

Смерть Столыпина

Из воспоминаний бывшего Киевского губернатора

1-го сентября 1911 года был четвертый день пребывания в Киеве императора Николая II, посетившего с августейшей семьей мать городов русских, чтобы присутствовать на открытии памятника царю-освободителю и на маневрах войск Киевского округа.

Утро 1-го сентября было особенно хорошим, солнце на безоблачном небе светило ярко, но в воздухе чувствовался живительный осенний холодок. В восьмом часу утра я отправился ко дворцу, чтобы быть при отъезде государя на маневры. После проводов государя ко мне подошел начальник Киевского охранного отделения полковник Кулябко и обратился с следующими словами: «Сегодня предстоит тяжелый день; ночью прибыла в Киев женщина, на которую боевой дружиной возложено произвести террористический акт в Киеве; жертвой намечен, по-видимому, Председатель Совета Министров, но не исключается и попытка цареубийства, а также и покушения на министра народного просвещения Кассо; рано утром я доложил обо всем генерал-губернатору, который уехал с государем на маневры; генерал Трепов заходил к П. А. Столыпину и просил его быть осторожным; я остался в городе, чтобы разыскать и задержать террористку, а генерал Курлов и полковник Спиридович тоже уехали с государем». Мы условились, что полковник Кулябко вышлет за Председателем Совета Министров закрытый автомобиль, чтобы в пять часов дня отвезти его в Печерск на ипподром, где должен был происходить в высочайшем присутствии смотр потешных. Кулябко передаст шоферу маршрут, чтобы доставить министра туда и обратно кружным путем. По приезде А. П. Столыпина к трибуне я встречу его внизу и провожу в ложу, назначенную для Совета Министров и лиц свиты, возле царской; вокруг Кулябко незаметно расположит охрану. Кулябко просил провести ministra так, чтобы он не останавливался на лестнице и в узких местах прохода. Я спросил Кулябко, что он предполагает делать, если обнаружить и арестовать террористку не удастся. На это он ответил, что вблизи государя и министров он будет все время держать своего агента-осведомителя, знающего террористку в лицо. По данному этим агентом указанию она будет немедленно схвачена.

До крайности встревоженный всем слышанным, я поехал в городской театр, где заканчивались работы к предстоявшему в тот же вечер парадному спектаклю, и в Печерск на ипподром. Поднимаясь по Институтской улице, я увидел шедшего мне навстречу П. А. Столыпина. Несмотря на сделанное ему генерал-губернатором предостережение, он вышел около 11 часов утра из дома начальника края, в котором жил. Я повернул в ближайшую улицу, незаметно вышел из экипажа и пошел за министром по противоположному тротуару, но П. А. скоро скрылся в подъезде Государственного банка, где жил министр финансов Коковцев.

В пятом часу дня начался съезд приглашенных на ипподром. На кругу перед трибунами выстроились в шахматном порядке учащиеся школ Киевского учебного округа. Яркое солнце освещало их рубашки, белевшие на темном фоне деревьев. Незадолго до 5 часов прибыл Председатель Совета Министров, и я встретил его на условленном месте. Выйдя из автомобиля, П. А. Столыпин стал подниматься по лестнице, но встретившие его знакомые задерживали его, и я видел обеспокоенное лицо Кулябки, который делал мне знаки скорее проходить. Мы шли мимо лож, занятых дамами. П. П. остановился у одной из них, в которой сидела вдова умершего сановника. Здороваясь с ним и смотря на его обвешанный орденами сюртук, она промолвила: «Петр Аркадьевич, что это за крест у вас на груди, точно могильный?» Известная своим злым языком, дама незадолго до того утверждала, что дни Столыпина на посту Председателя министров сочтены, и она хотела его уколоть, но эти слова, которым я невольно придал другой смысл, больно ударили меня по нервам. Сидевшие в ложе другие дамы испуганно переглянулись, но Столыпин совершенно спокойно ответил: «Этот крест, почти могильный, я получил за труды Саратовского местного управления Красного Креста, во главе которого я стоял во время японской войны».

Затем министр сделал несколько шагов вперед, и я просил его войти в ложу, пред назначенную, как я уже сказал, Совету Министров и свите. Министр войти в ложу не пожелал и на мой вопрос, почему, возразил: «Без приглашения министра двора я сюда войти не могу». С этими словами П. А. Столыпин стал спускаться по лестнице, направляясь на площадку перед трибуной, занятой приглашенной публикой. У окружавшего площадку барьера, с правой стороны, министр остановился. Через несколько минут я увидел, что сидевшие кругом, в разных местах, лица в штатских костюмах поднялись со своих сидений и незаметно стали полукругом, на расстоянии около 20 шагов от нас, по ту и другую сторону барьера. П. А. Столыпин имел вид крайне утомленный. «Скажите,— начал П. А. свою беседу со мной,— кому принадлежит распоряжение о воспрещении учащимся-евреям участвовать 30-го августа, наравне с другими, в шпалерах во время шествия государя с крестным ходом к месту открытия памятника?» Я ответил, что это распоряжение было сделано попечителем Киевского учебного округа Зиловым, который мотивировал его тем, что процессия имела церковный характер. Он исключил поэтому всех нехристиан, т. е. евреев и магометан. Министр спросил: «Отчего же вы не доложили об этом мне или начальнику края?» Я ответил, что в Киеве находился министр народного просвещения, от которого зависело отменить распоряжение попечителя округа. П. А. Столыпин возразил: «Министр народного просвещения тоже ничего не знал. Произошло то, что государь узнал о случившемся раньше меня. Его величество крайне этим недоволен и повелел мне примерно взыскать с виновного. Подобные распоряжения, которые будут приняты как обида, нанесенная еврейской части населения, нелепы и вредны. Они вызывают в детях национальную рознь и раздражение, что недопустимо, и их последствия ложатся на голову монарха».

В конце сентября попечитель Киевского учебного округа, тайный советник Зилов, был уволен от службы.

Во время этих слов я услышал, как возле меня что-то щелкнуло, я повернул голову и увидел фотографа, сделавшего снимок со Столыпина. Возле фотографического аппарата стоял человек в штатском сюртуке с резкими чертами лица, смотревший в упор на министра. Я подумал сначала, что это помощник фотографа, но сам фотограф с аппаратом ушел, а он продолжал стоять на том же месте. Заметив находившегося рядом Кулябко, я понял, что этот человек был агентом охранного отделения, и с этого момента он уже не возбуждал во мне беспокойства.

Знакомые начали подходить к П. А., но министр не был на этот раз словоохотлив, и разговор не завязывался. Вскоре он опять остался один со мной. Стрелка показывала

далеко за 5, но государь, против обыкновения, сильно запаздывал, а из Святошина сообщили, что он еще не проехал с маневров. Я стал рассказывать о киевских делах. Министр слушал безучастно. Он ожидался только, когда я заговорил о ходе землеустроительных работ по расселению на хутора в Уманском уезде — первом в России по количеству расселенных и по площади, охваченной движением, принявшим в целом округе стихийный характер. После минуты раздумья министр сказал: «Если ничто не помешает, я съезжу после отъезда государя на несколько дней в Корсунь, а оттуда проеду посмотреть уманские хутора, но об этом никому не говорите, пока я не переговорю с начальником края». Когда я заговорил о выборах в земство и о достигнутых результатах, министр стал слушать внимательно. Он называл фамилии некоторых лиц и интересовался их характеристикой, а затем сказал следующее: «Государь очень доволен составом земских гласных. Он надеется, что их воодушевление искренно иочно. Я рад что уверенность в необходимости распространения земских учреждений на этот край сообщилась государю. Вы увидите, как край расцветет через десять лет. Земство можно было ввести здесь давно, конечно, с нужными ограничениями для польского землевладения. Я заметил также, что та острота, которой сопровождались прения Государственного совета и Думы по вопросу о национальных куриях, не имеет корней на месте. Поляки везде с большим интересом и вполне лояльно отнеслись к выборам. Я сам в свое время работал с поляками, знаю, что они прекрасные работники, и потому не сомневаюсь, что земская деятельность послужит к общему сближению».

С опозданием часа на полтора приехал государь с детьми. П. А. встретил государя внизу и прошел в ложу рядом с царской. Охранявшая министра охрана, в том числе и агент, стоявший у фотографического аппарата, сошла со своих мест и окружила государя, его семью, министров и свиту. Смотр потешных прошел, и разъезд закончился около 8 часов вполне благополучно.

К 9 часам начался съезд приглашенных в театр. На театральной площади и прилегающих улицах стояли сильные наряды полиции, у наружных дверей — полицейские чиновники, получившие инструкции о тщательной проверке билетов. Еще утром все подвальные помещения и ходы были тщательно осмотрены. В зале, блиставшей огнями и роскошью убранства, собиралось избранное общество. Я лично руководил рассылкой приглашений и распределением мест в театре. Фамилии всех сидевших в театре мне были лично известны, и только 36 мест партера, начиная с 12 ряда, были отправлены в распоряжение заведовавшего охраной генерала Курлова, для чинов охраны, по его письменному требованию. Кому будут даны эти билеты, я не знал, но мне была известна цель, для которой они были высланы, и этого было достаточно. В кармане сюртука у меня находился план театра и при нем список, на котором было указано, кому какое место было предоставлено.

В 9 часов прибыл государь с дочерьми. К своему креслу, к первому от левого прохода, с правой стороны, прошел Столыпин и сел в первом ряду. Рядом с ним, налево, по другую сторону прохода, сел генерал-губернатор Трепов, направо — министр двора граф Фредерикс. Государь вышел из аванложи. Взвился занавес, и раздались звуки народного гимна. Играли оркестр, пел хор и вся публика. Патриотический подъем охватил и увлек всех. Шла «Сказка о царе Салтане» в новой, чудесной постановке. Я весь отдался чувству высокого эстетического наслаждения. Мне казалось, что здесь можно быть спокойным: ведь все сидящие в театре известны, а снаружи он хорошо охраняется, и ворваться с улицы никто не может. Кончилось первое действие. Я встал около своего кресла, во втором ряду, за креслом начальника края. К Председателю Совета Министров подошел генерал Курлов. Я слышал, как министр спрашивал его, задержана ли террористка, и настаивал на скорейшей ликвидации этого дела. Началось второе действие, прослушанное с тем же напряженным вниманием. При самом начале

второго акта, когда государь с семьей отошел в глубь аванложи, а П. А. Столыпин встал и, обернувшись спиной к сцене, разговаривал с графом Фредериксом и графом Иосифом Потоцким, я на минуту вышел к подъезду, чтобы сделать какое-то распоряжение. Возвращаясь, я встретил министра финансов Коковцева, пожимавшего руку встречным и говорившего: «Я уезжаю сейчас в Петербург и тороплюсь на поезд». Простившись с министром, я медленно пошел по левому проходу к своему креслу, смотря на стоявшую передо мной фигуру П. А. Столыпина. Я был на линии 6 или 7 ряда, когда меня опередил высокий человек в штатском фраке. На линии второго ряда он внезапно остановился. В то же время в его протянутой руке блеснул револьвер, и я услышал два коротких сухих выстрела, последовавших один за другим. В театре громко говорили, и выстрелы слыхали немногие, но, когда в зале раздались крики, все взоры устремились на П. А. Столыпина, и на несколько секунд все замолкло. П. А. как будто не сразу понял, что случилось. Он наклонил голову и посмотрел на свой белый сюртук, который с правой стороны, под грудной клеткой, уже заливался кровью. Медленными и уверенными движениями он положил на барьер фуражку и перчатки, расстегнул сюртук и, увидя жилет, густо пропитанный кровью, махнул рукой, как будто желая сказать: «Все кончено!» Затем он грузно опустился в кресло и ясно и отчетливо, голосом, слышанным всем, кто находился недалеко от него, произнес: «Счастлив умереть за царя». Увидя государя, вышедшего в ложу и ставшего впереди, он поднял руки и стал делать знаки, чтобы государь отошел. Но государь не двигался и продолжал на том же месте стоять, и Петр Аркадьевич, на виду у всех, благословил его широким крестом.

Преступник, сделав выстрел, бросился назад, руками расчищая себе путь, но при выходе из партера ему загородили проход. Сбежалась не только молодежь, но и старики и стали бить его шашками, шпагами и кулаками. Из ложи бельэтажа выскоцил кто-то и упал около убийцы. Полковник Спиридович, вышедший во время антракта по службе на улицу и прибежавший в театр, предотвратил едва не произошедший самосуд: он вынул шашку и, объявив, что преступник арестован, заставил всех отойти.

Я все-таки пошел за убийцей в помещение, куда его повели. Он был в изодранном фраке, с оторванным воротничком на крахмальной рубашке, лицо в багрово-синих подтеках, изо рта шла кровь. «Каким образом вы прошли в театр?» — спросил я его. В ответ он вынул из жилетного кармана билет. То было одно из кресел в 18 ряду. Я взял план театра и список и против номера кресла нашел запись: «Отправлено в распоряжение генерала Курлова для чинов охраны». В это время вошел Кулябко, прибежавший с улицы, где он все старался задержать террористку по приметам, сообщенным его осведомителем. Кулябко сразу осунулся, лицо его стало желтым. Хриплым от волнения голосом, с ненавистью глядя на преступника, он произнес: «Это Богров, это он, мерзавец, нас морочил». Всматрившись в лицо убийцы, я признал в нем человека, который днем стоял у фотографа, и понял роль, сыгранную этим предателем.

Я вышел искать начальника края. Генерал Трепов распоряжался у царской ложи, подготовляя отъезд государя. Он опасался, что выстрел в театре был первым актом более широкого плана и что засады могут быть на улице. Всю площадь перед театром сильными полицейскими нарядами очистили от публики; у подъезда царской ложи было несколько закрытых автомобилей, в один из них поместился государь с дочерьми, в других разместилась свита. Начальник края ехал впереди и, минуя улицы, на которых собрался народ, чтобы видеть проезд царя, привез его во дворец.

Проводив государя до автомобиля, я вернулся в театр. П. А. Столыпина уже вынесли, зал наполовину опустел, но оркестр все продолжал играть гимн. Публика пела «Боже, царя храни» и «Спаси, господи, люди твоя», но в охватившем всех энтузиазме чувствовалася надрыв, слышался вопль отчаяния, как будто люди сознавали, что пуля, пробившая печень Столыпина, ударила в сердце России. Я распорядился понемногу тушить огни и прекратить музыку.

Когда публика разъехалась, я вошел в комнату, где на диване, с перевязанной раной и в чистой рубашке, с закрытыми глазами, лежал П. А. Столыпин. От окружавших его профессоров, известных киевских врачей, я узнал, что они распорядились отвезти раненого в лечебницу доктора Маковского, что на Малой Владимирской, и что у подъезда театра уже стоит карета скорой помощи. Я обратился к одному из врачей и спросил его, есть ли надежда на спасение. «Рана очень опасная, — сказал мне доктор, — но, смертельна она или нет, сейчас сказать нельзя. Все зависит от того, в какой степени повреждена печень». Когда П. А., смертельно бледного, на носилках выносили в карету, он открыл глаза и скорбным, страдающим взглядом смотрел на окружающих.

В то время, когда В. Н. Коковцев находился в приемной, в лечебницу приезжал генерал Курлов. Он стал докладывать В. Н. по поводу случившегося, но В. Н. выслушал его сухо и сделал суровую реплику. Курлов отошел и, заметив меня, сказал: «Всю жизнь я был предан П. А., и вот результат». Он протянул мне руку, и на его глазах засияли слезы. Всю ночь, до самого рассвета, провел В. Н. Коковцев у изголовья кровати раненого, в беседе с ним. Видя в В. Н. своего естественного заместителя, изнемогавший от раны Петр Аркадьевич последние силы свои отдал на посвящение его в текущие и сложные вопросы государственной жизни беззаветно любимой им матери-России.

На следующий день государь ездил в Овруч. По выходе из дворца его величество объявил, что желает навестить Столыпина. Царский автомобиль направился на Малую Владимирскую. При входе в лечебницу государь спросил встретивших его врачей, может ли он видеть Петра Аркадьевича. На это старший врач ответил, что свидание с его величеством взволнует больного и может ухудшить его состояние, о чем он откровенно докладывает по долгу врача и верноподданного. Узнав, что в лечебнице находится только что прибывшая из ковенского имения супруга П. А. Столыпина — Ольга Борисовна, государь пожелал ее видеть и ненадолго прошел к ней в приемную.

В тот же день, по инициативе группы членов Государственной думы из партии националистов и земских гласных края, в 2 часа дня, во Владимирском соборе, высоко-преосвященнейшим Флавианом, митрополитом Киевским и Галицким, соборне с четырьмя епископами, было отслужено торжественное молебствие о выздоровлении Столыпина. Собор был переполнен. Собравшиеся истово молились, и многие плакали.

Два последующих дня прошли в тревоге, врачи еще не теряли надежды, но по вопросу о возможности операции и извлечения пули консилиум, с участием прибывшего из Петербурга профессора Цейдлера, вынес отрицательное решение.

4-го сентября, вечером, здоровье П. А. сразу ухудшилось, силы стали падать, сердце слабело, и около 10 часов вечера 5-го сентября он тихо скончался.

Весть о кончине Столыпина быстро распространилась по городу, и все подернулось скорбью и печалью. Государь 5-го сентября находился в Чернигове. 6-го сентября утром он возвратился в Киев на пароходе по Днепру и с пристани, не заезжая во дворец, проехал поклониться праху своего верного слуги, жизнь положившего за Россию. В присутствии государя, вдовы и ближайших лиц свиты у тела Столыпина была отслужена панихида.

«Я хочу быть похороненным там, где найду свою смерть», — говорил П. А., предчувствуя свой близкий конец от руки революционера. Указание Столыпина было свято исполнено его близкими, и местом вечного его упокоения была избрана Киево-Печерская лавра.

8-го сентября, вечером, печальная процессия двинулась из лечебницы в Печерск, сопровождаемая многочисленной толпой русских людей. Все было величественно и вместе с тем просто, и это так гармонировало с светлым обликом того, кто безвременно ото-

шел в вечность. 9-го сентября утром, в трапезной церкви, заставленной венками с национальными лентами, собралось правительство, представители армии и флота и всех гражданских ведомств, многие члены Государственного совета, центр и почти все правое крыло Государственной думы, а также более сотни крестьян, прибывших из ближайших деревень отдать последний долг почившему. Киевский генерал-губернатор и генерал-адъютант Трепов, по велению уехавшего 7-го сентября государя, представлял его особу. Старшие члены Министерства внутренних дел и чины Государственной канцелярии несли дежурство у гроба. После отпевания гроб вынесли и опустили возле церкви, рядом с исторической могилой другого русского патриота Кочубея.

Сейчас же после смерти Столыпина, в той же группе земских гласных и членов Государственной думы из партии националистов, возникла мысль о постановке ему памятника в Киеве. Было использовано пребывание в Киеве государя императора и заместителя Председателя Совета Министров Коковцева, и на всероссийский сбор пожертвований уже 7-го сентября утром последовало высочайшее соизволение. Пожертвования потекли столь обильно, что в три дня в одном Киеве была собрана сумма, которая могла покрыть расходы на памятник,— так обаятельна была память Столыпина. Местом постановки памятника была избрана площадь городской думы, на Крещатике, а исполнение его поручено итальянскому скульптору Ксименесу, бывшему в Киеве. В 1912 году, ровно через год после смерти П. А., памятник был открыт в торжественной обстановке, среди съехавшихся со всех концов России его почитателей. Столыпин был изображен как бы говорящим с думской кафедры, на камне высечены сказанные им слова, ставшие пророческими:

«Вам нужны великие потрясения — нам нужна великкая Россия».

Большевики, полонившие нашу Родину, конечно, не могли перенести вида памятника и его уничтожили, но из русской души они не вытеснят образ Столыпина. Пройдет лихолетье — и в историю возрожденного Отечества имя Столыпина войдет еще более прославленным. В его заветах будет строиться Россия.